

Места, которых нет

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ НА ПОКРОВКЕ

✧ Восьмое чудо света ✧

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Церковь Успения на Покровке

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Церковь Успения на Покровке / С. В. Диковинный — «Автор»,
2026

Эта новелла — история одной из самых прекрасных и самых трагических церквей Москвы. Церковь Успения на Покровке, прозванная современниками «восьмым чудом света», больше двух столетий восхищала всех — от простых москвичей до Достоевского, Баженова и даже Наполеона. Её сравнивали с русским Нотр-Дамом, с неё брал образец Растрелли, её любил весь город. А потом её снесли. За одну зиму 1936 года — до основания, ради «расширения проезда». Не осталось ничего, кроме имени переулка и памяти. Эта книга — о том, как рождается красота, как её любят и как её теряют. И о том, что память — это тоже жизнь.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восьмое чудо света	5
Глава 2. Купец и его мечта	7
Глава 3. Каменное кружево	10
Глава 4. Слава и легенды	13
Глава 5. Прихожане	15
Глава 6. Конец и надежда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Церковь Успения на Покровке

Глава 1. Восьмое чудо света

Москва конца XVII века была городом деревянным. Низкие дома, кривые улочки, редкие каменные палаты бояр да высокие колокольни, видные издалека. Дым из труб, запах печей, скрип телег по утрам. Обычная жизнь обычного русского города. И вдруг — среди этой обыденности, на Покровке, поднимается нечто невероятное. Храм, который современники назовут «восьмым чудом света».

Церковь Успения Божией Матери на Покровке.

Она была настолько прекрасна, что слова отказывались её описывать. Белоснежное каменное кружево декора, огненно-красные стены, тринадцать глав, взмывающих в небо. Не храм — а застывшее облако, мечта, видение. Стройная, как архитектурная поэма. Величественная, как сама вера. Лёгкая, как молитва.

Иностранцы, впервые видевшие её, не могли сдержать восхищения. Бывали в Москве люди, повидавшие Европу — Париж, Рим, Вену. Они знали толк в архитектуре, видели готические соборы и барочные дворцы. Но эта церковь поражала даже их. Французский маршал, войдя в Москву вместе с Наполеоном, якобы воскликнул: «О! Русский Нотр-Дам!» А может быть, это сказал сам император — легенды расходятся. Но суть одна: эта церковь потрясала даже тех, кто привык к европейским соборам. Она стояла в одном ряду с величайшими храмами мира — и не терялась, не уступала, а сияла своей особой, ни на что не похожей красотой.

Для Москвы она была тем же, чем Андреевская церковь для Киева или храм Ильи Пророка для Ярославля — национальным символом, гордостью, самой душой города. Прозванная «восьмым чудом света», она стала таким же символом Москвы, как Кремль или Покровский собор на Красной площади. Только очень редкая, уникальная церковь могла сравниться с храмом Василия Блаженного. Успенская — могла. В один ряд с ним её изначально поставил сам Василий Баженов, великий русский архитектор, считавший её не только одним из красивейших зданий в Москве, но и творением «ярко национальным». И это была не просто похвала — это было признание её исключительного места в русской архитектуре.

Это была не просто красивая церковь. Это был символ. Символ Москвы, символ России, символ веры. Символ того, что русские мастера умеют создавать красоту, перед которой меркнут европейские шедевры.

И мало кто знал, что построил её человек, чьё имя теперь носит маленький переулок в центре Москвы. И мало кто догадывался, что ждёт эту красоту впереди — больше двух столетий славы, восхищения и любви, а потом — трагедия, которая станет одним из самых страшных преступлений в русской истории.

А началось всё с пожара.

В 1688 году страшный огонь прошёл по Покровке. Выгорела почти вся улица, пострадали дома, лавки, церкви. Старая каменная церковь, стоявшая здесь с середины XVII века, сильно обгорела. Стены уцелели, но внутреннее убранство было уничтожено, кровля обрушилась, колокола попадали. Приход остался без храма.

И тогда купец Иван Сверчков, человек небогатый, но с размахом, решил: построю новую церковь. Таковую, каких ещё не бывало. Не просто восстановлю сгоревшее — а создам нечто совершенно новое, небывалое, такое, что будет стоять веками и восхищать потомков. Он не мог знать, что его решение станет началом одной из самых блистательных страниц в истории русской архитектуры.

Началась великая стройка.

Но об этом — в следующей главе.

Глава 2. Купец и его мечта

Жил в Москве купец Иван Сверчков. Человек небогатый, но с размахом. Он торговал, вёл дела, как и сотни других московских купцов, но была в нём одна черта, которая выделяла его среди прочих — умение мечтать по-крупному. Не просто лавку открыть, не просто дом построить, а создать что-то такое, что останется в веках. Такие люди рождаются редко, и именно они оставляют след в истории города.

В 1688 году страшный огонь прошёл по Покровке. Пожар тогда случился нешуточный — выгорела почти вся улица. Пламя гуляло по деревянным домам, перекидывалось с крыши на крышу, и никто не мог его остановить. Люди выбегали на улицу, хватали самое ценное, спасали детей, выносили иконы. А огонь шёл дальше, пожирая всё на своём пути. Старая каменная церковь, стоявшая здесь с середины XVII века, сильно пострадала. Стены уцелели, но внутреннее убранство было уничтожено, кровля обрушилась, колокола попадали. Приход остался без храма. И тогда Иван Сверчков решил: построю новую церковь. Такую, каких ещё не бывало.

Он не хотел просто восстановить сгоревшее. Он хотел создать нечто совершенно новое, небывалое, такое, что будет стоять веками и восхищать потомков. Мысль эта, возможно, казалась современникам дерзкой — куда ему, простому купцу, тягаться с боярами и князьями? Но Сверчков был упрям. Он верил в свою мечту.

И он пригласил мастера.

Имя этого мастера — Пётр Потапов. Украинец или крепостной крестьянин-зодчий — точно неизвестно. В допетровской Руси имя архитектора сохранялось редко — обычно храмы строили «всем миром», и мастера оставались безымянными. Но тут имя сохранилось. Значит, был он действительно великим. Значит, современники понимали, что имеют дело с гением. И сейчас Потаповский переулок в Москве носит его имя — единственная память о человеке, создавшем одно из величайших чудес русской архитектуры.

Впрочем, есть и другая версия. Некоторые исследователи считают, что Потапов был не архитектором, а резчиком по камню или даже помощником главного зодчего, чьё имя якобы осталось тайной. Мол, не мог крепостной крестьянин создать такое. Но эта версия не выдерживает критики. Известное имя автора храма в допетровской Руси — редчайший случай, почти

исключение. И если имя Потапова сохранилось, значит, он был настоящим автором. Значит, он был тем, кто придумал эту неземную красоту и воплотил её в камне.

Строили долго. Не год и не два. Возводили ярус за ярусом, главку за главкой. Первый ярус был готов раньше — здесь освятили нижнюю церковь во имя святителя Петра Московского с приделом Рождества Иоанна Предтечи. Придел назвали по именинам храмоздателя — Ивана Сверчкова, который родился в день Иоанна Предтечи. Так купец увековечил не только свою мечту, но и своё имя.

В 1699 году завершили верхнюю, собственно Успенскую церковь. И когда строительные леса упали, москвичи ахнули.

Это было чудо. Тринадцать глав — по числу Христа и двенадцати апостолов — взмывали в небо. Символика была глубокой и продуманной: сам Христос и его ученики, незримо присутствующие в камне. Белоснежное каменное кружево декора словно горело на фоне огненно-красных стен — игра белопенного, снежного узора с пламенеющим цветом создавала впечатление, будто храм светится изнутри. Колокольня, соединённая с церковью папертью, была столь величественной, что её можно было принять за самостоятельную шатровую церковь, «иже под колоколы».

У храма была очень высокая лестница и высокое гульбище — открытая площадка-галерея перед входом. Каждый молящийся поднимался по ступеням и, прежде чем переступить порог храма Божия, обозревал открывавшуюся с этой высоты панораму Москвы. Пыльные улицы, деревянные крыши, редкие купола других церквей — и над всем этим он возвышался. Так создавалось чувство вознесённости, оторванности от земли, располагающее к молитвенному настроению. Возвысить душу и мысль человеческую от мира сего, устремить её к небесам — к тому же призывала причудливая, неземная красота Успенской церкви, символизировавшая красоту Божественного творения.

Современникам Успенский храм представал громадой составленных церквей, летящих в небеса, но вместе с тем стройным, как архитектурная поэма. Это чудо имело вырезанную на портале символическую надпись: «Дело рук человеческих». Просто и глубоко. Человек создал эту красоту — но она устремлена к Богу.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв позже заметил, что эту церковь надо было видеть именно в окружении «низких обыденных зданий». Только тогда становилась понятна вся её неземная красота. Она возвышалась над городом, как мечта, как видение, как обещание иной, лучшей жизни.

Более того, по версии учёных, эта гигантская церковь знаменовала собой один из семи священных холмов Москвы — подобно тому, как колокольня Ивана Великого венчала главный, Боровицкий холм. Близость к Кремлю была не случайной. Успенская церковь словно вставала в один ряд с главными святынями Москвы.

Довольно близкая к Кремлю, церковь почти сразу же после возведения, в первой половине XVIII века, была в числе других определена к слушанию соборного благовеста. Тогда действовало ещё патриаршее постановление: в городских церквях не начинать благовеста прежде соборного, чтобы в звоне колоколов не было разнобоя и неблагочестия. В Москве соборный благовест был в Успенской звоннице в Кремле с колокольней Ивана Великого, и следовало не начинать благовест прежде или позже, чем зазвонит кремлёвская звонница.

Для лучшего соблюдения этого правила, поскольку многие храмы Москвы были отдалены от Кремля и не слышали соборный благовест, создали своеобразный церковный «телеграф». Велено было «слушать звон» при определённых, назначенных к тому центральных церквях, в которых слышали благовест из Кремля и начинали звонить вместе с ним, и уже по их звону начинали звонить остальные церкви. Наряду со Сретенским монастырём и храмом Николы Явленного на Арбате в обширный список «благовестных» церквей Москвы попала и Успенская церковь на Покровке.

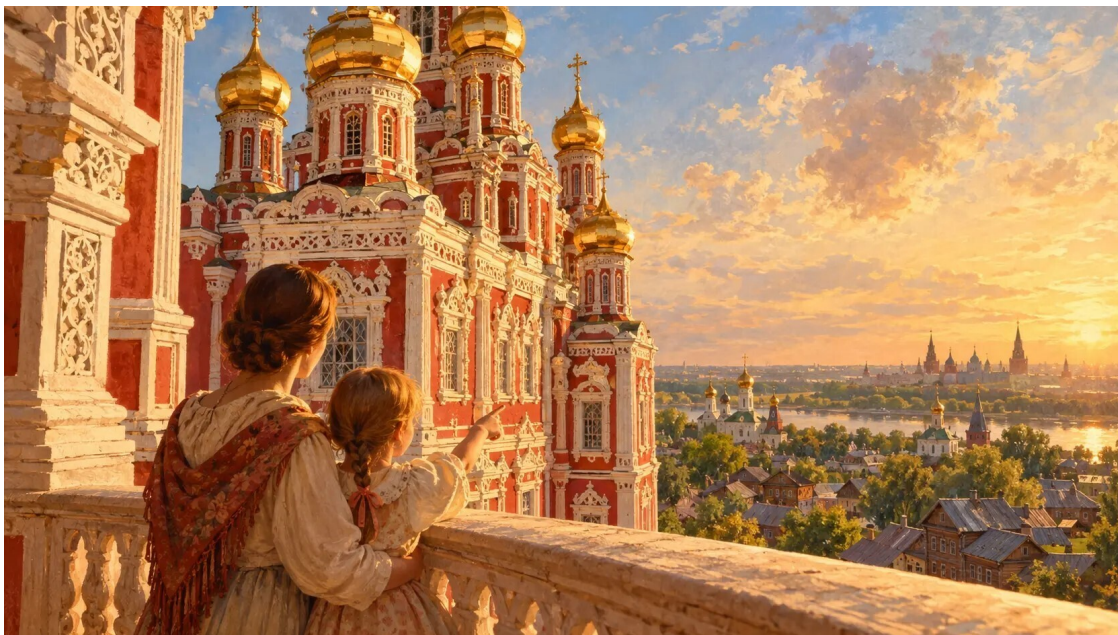
Ответственность была колоссальной. Оплотавших священников, пропустивших соборный благовест, не только штрафовали, но и лишали сана. В случае престольного праздника храма его духовенству следовало получать благословение митрополита на ранний благовест с записью в приказе церковных дел. Так Успенская церковь на Покровке вошла в число главных, «благовестных» храмов Москвы — тех, по которым сверяла свои колокола вся православная столица.

Церковь осталась обыкновенной приходской, но в то же время была почётно «домовой» для купца Ивана Сверчкова. Второе крыльцо храма с парадной лестницей вело в сад, окружавший дом Сверчкова, и таким образом у хозяина имелся собственный отдельный вход. Ходил он в свою церковь не как все, а по особой дороге, через сад. Такая вот привилегия храмоздателя.

А в нижней церкви, под спудом, упокоился сам Иван Сверчков с членами семьи. Его дом — роскошные белокаменные палаты — и теперь находится в одноимённом переулке (дом 8). При палатах Сверчков основал ещё одно богоугодное заведение — странноприимный дом. Где могли переночевать странники, нищие, убогие. Купец думал не только о собственной славе, но и о душе.

И церковь, и палаты, и странноприимный дом — всё это было делом рук человеческих, устремлённых к небу. Дело жизни Ивана Сверчкова, который мечтал создать нечто такое, что переживёт его самого. И он добился своего. Но о том, что случилось с его детищем дальше — в следующих главах.

Глава 3. Каменное кружево

Когда строительные леса наконец упали и москвичи увидели Успенскую церковь во всей её красе, стало ясно: произошло нечто исключительное. Такой храм на Руси ещё не строили. Он не походил ни на суровые белокаменные соборы Владимира, ни на строгие кремлёвские храмы, ни на шатровые церкви XVI века. Это было что-то новое — нарядное, лёгкое, устремлённое ввысь, словно выточенное из единого куска драгоценного камня. Историки архитектуры позже назовут этот стиль «московским барокко», а Успенскую церковь — его жемчужиной и высшим образцом. Но для современников это были просто слова. Они видели перед собой чудо — и не могли отвести глаз.

Устройство храма было очень сложным. Это не была простая церковь с одним престолом. Это была целая архитектурная вселенная, продуманная до мельчайших деталей. На первом ярусе освятили нижнюю церковь во имя святителя Петра Московского с приделом Рождества Иоанна Предтечи — по именинам храмоздателя Ивана Сверчкова. А в 1699 году выстроили верхнюю, собственно Успенскую церковь. Два храма — один над другим, как две ступени лестницы, ведущей к небу. Внизу — земное, покаянное, повседневное. Вверху — праздничное, светлое, торжественное.

Но самое поразительное было в другом. У этого храма было тринадцать глав — по числу Господа Иисуса Христа и Его двенадцати апостолов. Тринадцать куполов, тринадцать крестов, тринадцать огней, устремлённых в небо. Символика была глубокой и продуманной, и каждый, кто поднимал голову, видел перед собой не просто архитектурную композицию, а евангельскую притчу, воплощённую в камне. Сам Христос и его ученики — незримо, но явно — стояли над Москвой.

Роскошная колокольня, которая соединялась с церковью папертью, была столь величественной, что её можно было принять за самостоятельную шатровую церковь, «иже под колоколы». Она не просто дополняла храм — она с ним спорила, соперничала в красоте, но не побеждала, а сливалась в единый ансамбль. И когда звонили колокола, их звон разносился над Покровкой, над Кремлём, над всей Москвой — чистый, торжественный, призывный.

Гениальной была и игра цветов. Белопенное, снежное кружево декора — тонкая каменная резьба, узоры, орнаменты — словно glowing на фоне пламенеющего огненно-красного

храма. Этот контраст белого и красного создавал впечатление, будто церковь светится изнутри, будто она живая. Игра света и тени, игра камня и неба, игра земного и небесного — всё это сливалось в одну невероятную симфонию.

Современникам Успенский храм представлял громадой составленных церквей, летящих в небеса, но вместе с тем стройным, как архитектурная поэма. Это не была хаотичная груда куполов и приделов — это была гармония, где каждая часть знала своё место, где каждый ярус поднимал зрителя всё выше и выше. Это чудо имело вырезанную на портале символическую надпись: «Дело рук человеческих». Просто и глубоко. Человек создал эту красоту — но она устремлена к Богу. Человек построил этот храм — но он принадлежит небу.

У церкви была очень высокая лестница и высокое гульбище — открытая площадка-галерея перед входом в храм. Каждый молящийся поднимался по лестнице на гульбище и, прежде чем переступить порог храма Божия, обозревал открывавшуюся с этой высоты панораму. Пыльные улицы, деревянные крыши, редкие купола других церквей, а вдали — золотые главы Кремля. Так создавалось чувство вознесённости, оторванности от земли, располагающее к молитвенному настроению. Возвысить душу и мысль человеческую от мира сего, устремить её к небесам — к тому же призывала причудливая, неземная красота Успенской церкви, символизировавшая красоту Божественного творения. Человек поднимался по ступеням — и вместе с ним поднималась его душа.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв позже заметил, что эту церковь надо было видеть именно в окружении «низких обыденных зданий». Только тогда становилась понятна вся её неземная красота. Она возвышалась над городом, как мечта, как видение, как обещание иной, лучшей жизни. Низкие деревянные дома, грязные улицы, обыденная суэта — и над всем этим парил храм, неземной, прекрасный, недостижимый. Он был не частью города — он был его украшением, его венцом, его молитвой.

Более того, по версии учёных, эта гигантская церковь знаменовала собой один из семи священных холмов Москвы — подобно тому, как колокольня Ивана Великого венчала главный, Боровицкий холм. Близость к Кремлю была не случайной. Успенская церковь словно вставала в один ряд с главными святынями Москвы, с самим сердцем русской земли. Это была не просто приходская церковь — это был один из столпов московского православия.

Довольно близкая к Кремлю, церковь почти сразу же после возведения, в первой половине XVIII века, была в числе других определена к слушанию соборного благовеста. Тогда действовало ещё патриаршее постановление: в городских церквях не начинать благовеста прежде соборного, чтобы в звоне колоколов не было разнобоя и неблагочестия. В Москве соборный благовест был в Успенской звоннице в Кремле с колокольной Ивана Великого, и следовало не начинать благовест прежде или позже, чем зазвонит кремлёвская звонница. В случае престольного праздника храма его духовенству следовало получать благословение митрополита на ранний благовест с записью в приказе церковных дел.

Для лучшего соблюдения этого правила, поскольку многие храмы Москвы были отдалены от Кремля и не слышали соборный благовест, создали своеобразный церковный «телеграф». Велено было «слушать звон» при определённых, назначенных к тому центральных церквях, в которых слышали благовест из Кремля и начинали звонить вместе с ним, и уже по их звону начинали звонить остальные церкви. Наряду со Сретенским монастырём и храмом Николы Явленного на Арбате в обширный список «благовестных» церквей Москвы попала и Успенская церковь на Покровке.

Ответственность была колоссальной. Оплотавших священников, пропустивших соборный благовест, не только штрафовали, но и лишали сана. В случае престольного праздника храма его духовенству следовало получать благословение митрополита на ранний благовест с записью в приказе церковных дел. Так Успенская церковь на Покровке вошла в число главных,

«благовестных» храмов Москвы — тех, по которым сверяла свои колокола вся православная столица.

Церковь осталась обыкновенной приходской, но в то же время была почётно «домовой» для купца Ивана Сверчкова. Второе крыльцо храма с парадной лестницей вело в сад, окружавший дом Сверчкова, и таким образом у хозяина имелся собственный отдельный вход. Ходил он в свою церковь не как все, а по особой дороге, через сад. Такая вот привилегия храмоздателя.

А в нижней церкви, под спудом, упокоился сам Иван Сверчков с членами семьи. Его дом — роскошные белокаменные палаты — и теперь находится в одноимённом переулке (дом 8). При палатах Сверчков основал ещё одно богоугодное заведение — странноприимный дом. Где могли переночевать странники, нищие, убогие. Купец думал не только о собственной славе, но и о душе.

Церковь Успения на Покровке стала не просто архитектурным шедевром — она стала живым организмом, в котором билась духовная жизнь Москвы. Сюда шли молиться, сюда шли любоваться, сюда шли искать утешения. И она принимала всех — богатых и бедных, знатных и простых, москвичей и приезжих. Она стояла над городом, как молитва, как обещание, как надежда.

Но шло время. Менялись владельцы палат, менялись прихожане, менялась сама Москва. А церковь стояла. И её красота продолжала восхищать, вдохновлять, потрясать. О том, как она вдохновляла великих людей — в следующей главе.

Глава 4. Слава и легенды

Успенская церковь на Покровке была не просто красива — она была той редкой красотой, которая меняет людей. Той, что западает в душу с первого взгляда и остаётся там навсегда. Неудивительно, что она вдохновляла, потрясала и даже направляла жизненный путь тех, кто её видел.

Одним из первых её оценил Василий Баженов — великий русский архитектор, человек, который сам создавал шедевры. Ему ли было не знать толк в красоте? И вот Баженов считал эту церковь одним из красивейших зданий Москвы. Более того — называл её творением «ярко национальным». Для него она была не просто храмом, а воплощением русского духа в архитектуре.

Баженов сравнивал Успенскую церковь с замосквореченским храмом Климента Римского — ещё одной жемчужиной московского барокко. Но при этом говорил, что Успенская «больше обольстит имущего вкус, ибо созиждена по единому благоволению строителя». Что это значит? Что она создана цельно, от начала до конца, одним замыслом, одной мечтой. Как скульптура, вытесанная из единой глыбы мрамора. В ней не было разнобоя, не было случайных деталей, не было чуждых вставок. Она была совершенна.

Восхищала она и иностранцев, побывавших в Москве. Для архитектора Варфоломея Растрелли — величайшего мастера барокко, итальянца, работавшего в России, — она стала целым творческим вдохновением. Именно её он взял за образец для своего Смольного собора в Петербурге. Того самого собора, который Игорь Грабарь назвал «наиболее русским» из всех произведений Растрелли. Подумать только: итальянец, рождённый в Париже, работающий в Петербурге, берёт за образец московскую церковь на Покровке — и создаёт из этого нечто «наиболее русское». Иронично и прекрасно. Писатель Вадим Кожин выразился ещё точнее: уроженец Парижа архитектор Растрелли был рождён в Москве. Рождён как архитектор — Успенской церковью.

И это был не единственный пример петербургского подражания московской жемчужине. В северной столице есть ещё один храм, созданный по мотивам Успенской церкви, — Воскресенский храм на Смоленском кладбище, где отпевали Александра Блока. Так московское чудо

стало образцом для двух петербургских храмов, объединив две столицы в admiration перед русской архитектурой.

Даже Наполеон, по легенде, был потрясён этой церковью. Император французов, человек, видевший все величайшие соборы Европы, был настолько поражён, что поставил особый караул охранять её от пожара и мародёров. Впрочем, другая легенда гласит, что он приказал разобрать её по кирпичику и перенести в Париж. Нетрудно заметить здесь ещё одну параллель с храмом Покрова на Рву: ведь именно его Наполеон якобы хотел перенести в Париж и приказал взорвать, когда эта задумка технически не удалась. Есть ещё сказание, будто наполеоновский маршал — вероятно, Мортье, что занял дом графини Разумовской в начале Маросейки, — увидев церковь, воскликнул: «О! Русский Нотр-Дам!» Другое предание приписывает это высокопарное восклицание самому Наполеону.

Так или иначе, храм от пожара 1812 года поистине чудом не пострадал. Но была ли в этом заслуга Наполеона? Ведь есть свидетельства, и вполне правдоподобные, что на самом деле церковь спасли от огня не мифические караульные, а крепостные Тютчевых, жившие рядом. Дом отца поэта и сейчас стоит в Армянском переулке. Так ли это было или нет — теперь уже не узнать. Но красивая легенда о «русском Нотр-Даме» осталась.

А ещё эта церковь была любимой московской церковью Фёдора Михайловича Достоевского. Его жена вспоминала, что, бывая в Москве, он возил её, «коренную петербурженку», посмотреть на эту церковь, потому что чрезвычайно ценил её архитектуру. И бывая в Москве один, Достоевский всегда ехал на Покровку помолиться в Успенской церкви и полюбоваться на неё. Он заранее останавливал извозчика и шёл к ней пешком, чтобы по пути рассмотреть храм во всей красе. А бывал он в этих краях и потому, что в Старосадском переулке жила его любимая тётка и крёстная А. Куманина, которую он часто навещал.

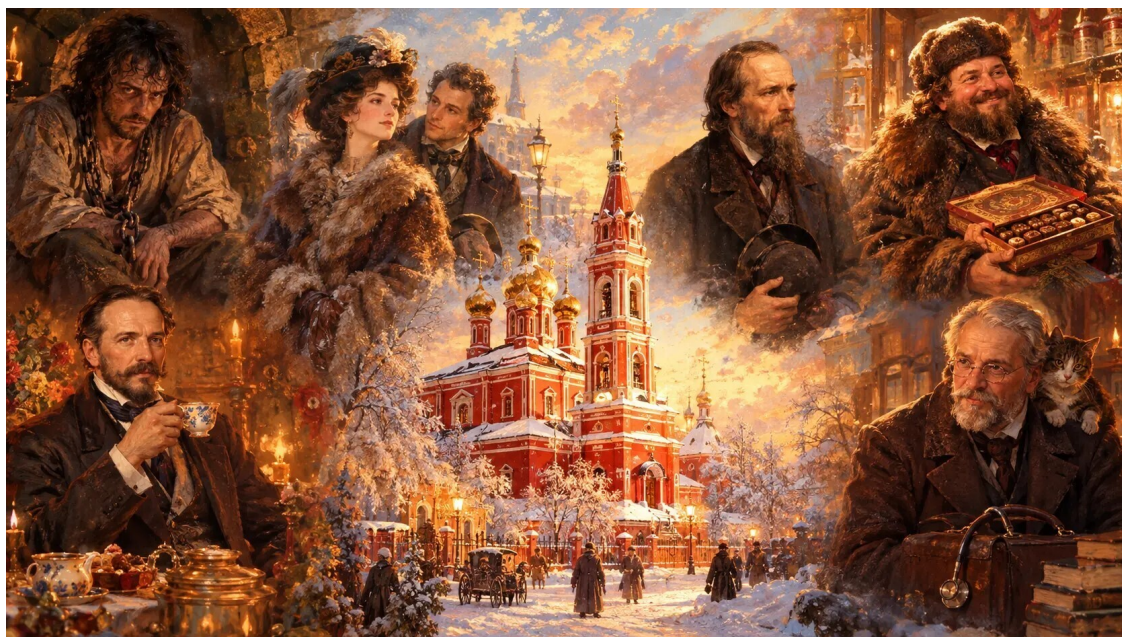
Отношения с Москвой у Достоевского были глубокие и личные: величайший гений России родился в ней, впитал здесь «русский дух» и отсюда переносил церковное и национальное начало в свои произведения. Москва для него была городом церквей и колокольного звона. А Успенская церковь была истинным, национальным символом Москвы.

Было у Успенского храма и особое влияние на судьбы. Говорят, что, однажды увидев его, Алексей Щусев — будущий великий архитектор — решил стать архитектором. Имел он и судьбоносное значение для юного Дмитрия Лихачёва, когда тот впервые приехал в Москву и случайно набрел на эту церковь. Будущий академик вспоминал позднее: «Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев... Её легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чём-то неслыханно прекрасном. Я жил под впечатлением этой встречи». Именно свидание с Успенской церковью подвигло его посвятить жизнь изучению древнерусской культуры.

Однако трагические слова Лихачёва: «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране», — имели под собой историческую почву. Он знал, о чём говорил. Он видел, как гибнут памятники. И он видел, как гибнет эта церковь.

Но пока она стояла — она жила. И продолжала вдохновлять. О тех, кто приходил сюда молиться, кто любил её, кто был её прихожанами — в следующей главе.

Глава 5. Прихожане

У этой церкви были особенные прихожане. Не просто люди, ходившие сюда по воскресеньям, — а те, чьи судьбы оказались навсегда связаны с Успенским храмом, чьи имена вошли в историю России, чьи дела прославили Москву. За несколько столетий здесь молились купцы и князья, поэты и врачи, меценаты и художники. Каждый из них оставил свой след — и в церкви, и в жизни города.

Начнём с самой первой приходской семьи — Сверчковых. Иван Сверчков, построивший храм, и его потомки владели родовыми палатами в Сверчковом переулке. Роскошные белокаменные палаты с резными наличниками, с толстыми стенами, с подвалами, хранившими тайны, — они и сейчас стоят в Москве, напоминая о купеческой семье, подарившей городу одно из его чудес. Потом владельцем палат стал казначей Алмазов, стольник царицы Прасковьи Фёдоровны. А в подвалах этих палат, по московской легенде, томился сам Ванька Каин — знаменитый разбойник и доносчик в одном лице, человек, чья биография стала притчей во языцех. Москва умеет хранить тайны — и умеет рассказывать о них.

Позже здесь поселились Пашковы — те самые, чьи родственники имели роскошный замок на Моховой. Первыми в их числе следует назвать знаменитых Пашковых, живших на Покровке, — тех самых, чьи родственники имели роскошный замок на Моховой. Их предок, выходец из Польши, Григорий Пашкевич приехал в Россию на службу к Ивану Грозному, и с тех пор их фамилия значилась как Пашковы. Один из них, Истома Пашков, был участником тульского дворянского ополчения в войске бунтаря Ивана Болотникова и потом перешёл на сторону царя Василия Шуйского. Другой Пашков, Егор Иванович, был денщиком Петра Великого, и его сын П. Е. Пашков построил легендарный дворец на Моховой, известный как дом Пашкова.

Владельцам же усадьбы на Покровке, Александру Ильичу и Дарье Ивановне Пашковым, принадлежал другой знаменитый дом Пашковых, тоже стоявший на Моховой: в самом конце XVIII века Василий Баженов выстроил для них усадьбу с театральным флигелем для балов и Пашковского театра, что было очень престижным — иметь собственный домашний театр. Потом, когда в 1806 году флигель сдали в аренду Московскому императорскому театру, на его сцене дебютировали Щепкин и Мочалов. Одна из самых роскошных в Москве, эта усадьба

с флигелем в 1832 году была куплена для Московского университета. В главном доме разместился Аудиторный корпус (ныне факультет журналистики), а во флигеле архитектор Евграф Тюрин устроил домовую университетскую Татьянинскую церковь.

Главное владение этих Пашковых находилось на Покровке, в Большом Успенском переулке (во дворе дома 7). В 1811 году здесь родилась Евдокия Петровна Ростопчина, будущая поэтесса и невестка градоначальника графа Ф. А. Ростопчина, которая вышла за его младшего сына Андрея. В этом доме у Пашковых бывал и Пушкин: на масленицу в 1831 году преисполненный счастья он приехал сюда с молодой женой кататься в санях на гулянии, устроенном хозяевами дома. А всего через девять лет после этого, в 1840 году, огромное состояние Пашковых было проиграно в карты. Усадьбу в Большом Успенском казна выкупила для Аптеки, под склады для хранения лекарств, и под конторы. Одно время этим медицинским заведением руководил неподкупный доктор Гааз, который сумел не только обезопасить ценные медикаменты от мышей и крыс (были официально заведены штатные... кошки), но и прекратить расхищение лекарств, после чего у него появилось немало недругов, прежде списывавших ворованное на мышей.

Кроме Пашковых, именитыми прихожанами Успенской церкви были князья Щербатовы, владевшие усадьбой в Сверчковом переулке, дом 4. Князь Осип Иванович приходился прадедушкой Елизавете Петровне Янковой, оставившей самые известные воспоминания о старой аристократической Москве — «Рассказы бабушки», записанные её внуком Д. Благово. Дух московской архитектуры как-то особо витает над этими местами: в начале XIX века часть владения купила Варвара Алексеевна Казакова, невестка Матвея Казакова, вышедшая замуж за его среднего сына Матвея Матвеевича, тоже архитектора.

Не отставала и торговля. В 1890-х годах прихожанами Успенской церкви стали братья Елисеевы, будущие создатели московского гастронома на Тверской, поселившиеся в доме 10 в Сверчковом переулке. По соседству с храмом, во владении 8 в Сверчковом переулке, жили и другие известные предприниматели. Например, Иван Григорьевич Простяков — потомок известного рода, из которого происходил и другой Простяков, строявший гостиницу «Метрополь». В 1889 году Иван Григорьевич приобрёл у Елисеевых владение и перестроил палаты в доходный дом, а в начале XX века здесь появился и кинотеатр «Колизей».

Главными же из местных православных купцов были шоколадные короли Абрикосовы, создавшие в Москве её старейшую и крупнейшую отечественную кондитерскую фирму (ныне концерн «Бабаевский») — их фамильное дело у самых его истоков благословил иконой игумен Новоспасского монастыря. Глава фирмы Алексей Иванович Абрикосов, приходившийся внуком её основателю, был не только усердным прихожанином, но и заботливым старостой Успенской церкви на протяжении долгих лет. С 1865 года он жил с очень многочисленной семьёй в тех самых бывших Сверчковых палатах, проданных Абрикосовым их прежними владельцами. А позднее купил и соседний дом 5, записав его за женой, Агриппиной Александровной, которая, кстати, будучи матерью 22 детей, основала на Миуссах родильный дом, ныне вновь носящий её имя.

Абрикосовых называли и королями русской рекламы, у них есть чему поучиться нашим современникам. Например, в свою фирменную упаковку, в коробочки и шкатулочки, они вкладывали миниатюрные книжечки русских писателей — Пушкина, Крылова. И сладости у них были чрезвычайно высокого качества. Кондитер Абрикосов, постигший истину, что Москва — это чайная столица, обеспечил чайный стол москвичей самой разнообразной снедью: от фирменной пастилы, варенья и карамели (те самые «Гусиные лапки» и «Раковые шейки») до особо изысканного десерта — свежих ягод, глазированных в шоколаде. В 1900 году, ещё при жизни главы, фирма удостоилась высшего в России коммерческого звания «Поставщик двора Его Императорского Величества». Это значило, что его продукция действительно подавалась к столу государя и на дипломатические приёмы при дворе. Поставщики имели право размещать

на своих фирменных этикетках, вывесках и рекламных плакатах Государственный герб и подпись о звании — это было не только высшим «знаком качества» в дореволюционной России, но и высшей формой рекламы.

Другими не менее знаменитыми прихожанами Успенской церкви были чаоторговцы Боткины, тоже успешно постигшие «чайную истину» Москвы — их фамильный дом находился в Петроверигском переулке, дом 4. Фирма, основанная купцом Петром Кононовичем Боткиным, ещё в екатерининские времена, была самым известным поставщиком китайского чая, особенно любимого в старой Москве. В середине XIX века Боткины одними из первых стали завозить диковинный индийский и цейлонский чай, который тогда только осваивали на своих плантациях англичане. Чаоторговля была главным семейным делом Боткиных, но из их рода происходили и меценаты, и художники, и врачи. Одним из сыновей основателя фирмы был знаменитый Сергей Петрович Боткин, чьё имя носит теперь известная московская больница. Долгие годы он успешно лечил в Петербурге больного М. Е. Салтыкова-Щедрина и продлил ему жизнь. А его сын, Евгений Сергеевич Боткин, последний русский лейб-медик, до конца остался верным государю Николаю II и вместе с ним принял мученическую смерть в Ипатьевском доме.

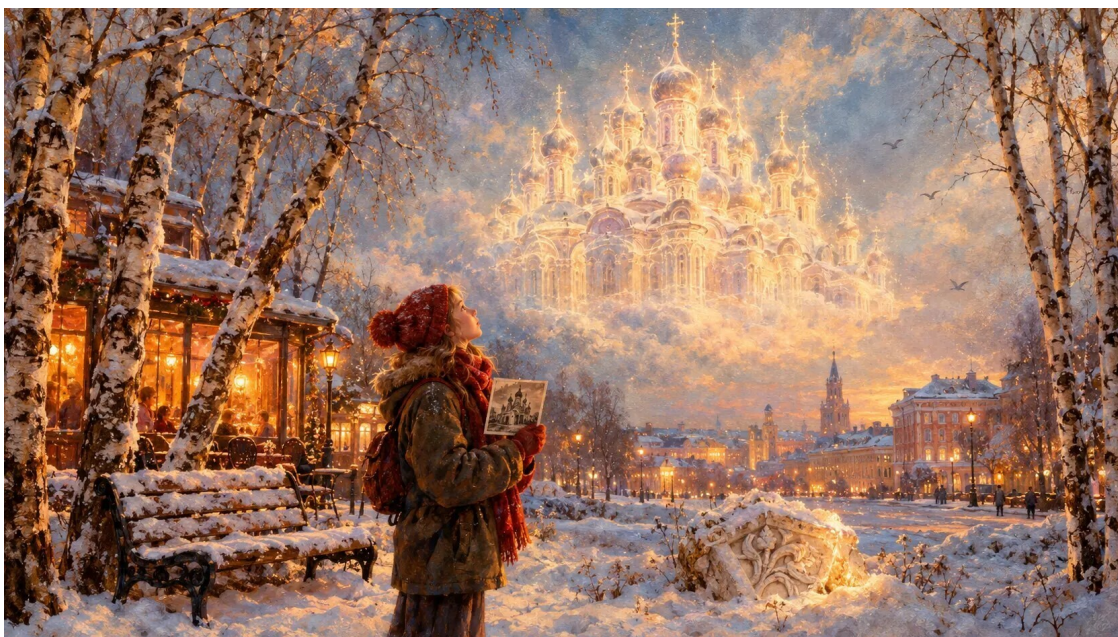
Другой известный сын чаоторговца, Пётр Петрович Боткин, принявший после смерти отца семейное дело, также был старостой Успенской церкви на Покровке и одновременно старостой кремлёвского Архангельского собора, а потом и храма Христа Спасителя. Он был очень набожным, и необычным, хотя прирождённым купцом, целыми днями просиживавшим в Гостином дворе, где вёл очень серьёзные торговые операции. При этом богомольный купец не носил усы и бороду, что было большой редкостью в среде православного купечества. Одна из его дочерей — Надежда вышла замуж за известного художника Илью Остроухова (в чьём доме в Трубниковском переулке был устроен смотр проектов памятника Гоголю и чья художественная коллекция составила основу нынешнего иконописного отдела Государственной Третьяковской галереи). Вторая дочь — Вера стала женой Н. И. Гучкова, московского городского головы, который способствовал открытию Народного университета имени А. Л. Шанявского — эту идею многие встретили в штыки. Он был родным братом знаменитого А. И. Гучкова, лидера партии «октябристов» и военного министра Временного правительства, который в трагическом марте 1917 года вместе с В. В. Шульгиным принимал в Ставке у Николая II акт об отречении от престола.

Успенский храм на Покровке имел удивительный дар влиять на человеческие души и даже на судьбы. Говорят, что, однажды увидев его, А. В. Щусев решил стать архитектором. Имел он и судьбоносное значение для юного Д. С. Лихачёва, когда он впервые приехал в Москву и случайно набрел на эту церковь. Будущий академик вспоминал позднее: «Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев... Её легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чём-то неслыханно прекрасном. Я жил под впечатлением этой встречи». Именно свидание с Успенской церковью подвигло его посвятить жизнь изучению древнерусской культуры. Однако трагические слова Лихачёва: «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране», — имели под собой историческую почву.

Трагедия века

После революции Успенская церковь действовала очень долго по московским меркам — до 1935 года. Нарком-богоборец Луначарский сам был в числе её поклонников: именно по его инициативе в 1922 году Большой Успенский переулок был назван Потаповским в честь крепостного мастера, и вообще он хлопотал о церкви, сколько мог. Авторитет и власть Луначарского пошатнулись ещё при его жизни, и маловероятно, что в дальнейшем его слово могло бы спасти этот храм, если бы он дожил до времени его уничтожения.

Глава 6. Конец и надежда

После революции Успенская церковь действовала очень долго по московским меркам — до 1935 года. Нарком-богоборец Луначарский сам был в числе её поклонников: именно по его инициативе в 1922 году Большой Успенский переулок был назван Потаповским в честь крепостного мастера, и вообще он хлопотал о церкви, сколько мог. Авторитет и власть Луначарского пошатнулись ещё при его жизни, и маловероятно, что в дальнейшем его слово могло бы спасти этот храм, если бы он дожился до времени его уничтожения.

Но время шло. Сталинская Москва перестраивалась. Старые церкви, монастыри, усадьбы — всё это казалось помехой на пути «нового мира». В 1931 году взорвали храм Христа Спасителя. В 1934-м снесли Красные ворота. В 1935-м пришла очередь Успенской церкви.

В ноябре 1935 года Моссовет под председательством Н. А. Булганина постановил закрыть и снести Успенскую церковь, «имея в виду острую необходимость в расширении проезда по ул. Покровке». Формулировка была циничной и лицемерной: расширение проезда, оказывается, требовало уничтожения одного из величайших памятников русской архитектуры. Как будто нельзя было расширить улицу, обойдя церковь. Как будто проезд был важнее души города. Но такова была логика эпохи. Логика, которая не считалась ни с красотой, ни с историей, ни с памятью.

А дальше московское предание снова, уже в последний раз, перекликается, как эхо, с Покровским собором на Красной площади: будто бы архитектор П. Д. Барановский заперся в Успенской церкви, чтобы либо уберечь её от сноса, либо погибнуть вместе с ней, сказав: «Взрывайте со мной!» Точно такая же легенда о храме Покрова на Рву относится к 1936 году, когда Успенская церковь уже погибла. Цинизм властей не имел предела. Позорно было переименовать улицу в честь великого крепостного архитектора и снести дотла его творение, прославившее мастера.

Перед сносом провели необходимые научные работы и обмеры. Два резных наличника и фрагменты фасада передали в музей при Донском монастыре, верхний иконостас 1706 года — в Новодевичий монастырь, где он был поставлен в надвратном Преображенском храме. Зимой 1936 года Успенскую церковь снесли до основания. На её месте образовался пресловутый скве-

рик с березками на углу Покровки и Потаповского переулка. Долгое время там была пивная, а потом кафе.

«Разве не убито в нас что-то? Разве нас не обворовали духовно?» – горько вопрошал по этому поводу академик Д. С. Лихачёв. Сколько трагедии в этих строках...

Слишком велика была утрата, слишком вопиющим был факт уничтожения этой церкви – национального достояния, слишком сильна боль от её гибели. Может быть, поэтому в наше время все чаще раздаются призывы восстановить Успенскую церковь по сохранившимся обмерам, чертежам, зарисовкам, кадрам кинохроники. Тем более что совсем недавно в одном из местных домов были обнаружены фрагменты этой церкви – остатки лестницы, часть нижнего яруса колокольни, элементы наружного декора. Считают, что приблизить восстановление храма поможет создание его общины. А воссоздания этой святыни так жаждет душа Москвы!

Чаще всего Успенскую церковь как памятник истории сравнивают с Сухаревой башней или Красными воротами, но представляется, что она больше относится к таким святыням Москвы, как Иверская часовня и Казанский собор, ибо она явила всю силу православной идеи Москвы, всю её сказочную красоту и национальный гений. Пока же то, что осталось от великой церкви, кроме руин, – лишь имя Потаповского переулка.

Но имя — это тоже память. И память — это тоже жизнь. Успенская церковь на Покровке погибла, но не исчезла. Она осталась в чертежах и обмерах, в фотографиях и кинохронике, в воспоминаниях тех, кто её видел, в стихах и прозе тех, кто её любил. Она осталась в душе Москвы — как рана, как боль, как надежда.

И кто знает — може

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.